

С 26 по 30 декабря в Шанхае (КНР) проходил Третий форум молодых писателей Китая и России. Его организовали Шанхайский университет иностранных языков, Союз писателей Шанхая и Союз писателей России.

Дмитрий Евдокимов

(Санкт-Петербург), Екатерина Игнатова (Приозерск), Диана Даскалица (Севастополь), Дмитрий Лагутин (Брянск), Евгения Декина (Балашиха), Анна Тимакова (Пермь), Дмитрий Евдокимов (Великий Новгород), Алёна Белоусенко (Москва), Юрий Лунин (Партизанск), Сергей Мурашев (Архангельск), Элина Савченко (Краснодар).

Китай представляли писатели Ян Цинсян, Янь Бинь, Сяо Шуй, Бао Хуэйли, Чжан Циньжу, Цзян Цзай, Хоу Лэй, Ли Хунвэй, Чжао Чжимин, Цзоу Цзоу, Мяо Кэгоу, Сань Уань, Гу Вэньян. На открытии выступили участники первого и второго форума, а также представители СМИ.

Официальные открытие и приветствия литераторов перешли в пленарные засе-

Точки соприкосновения - в творчестве

дания и дискуссии, в ходе которых коллеги из двух стран выступали с докладами, задавали вопросы, узнавали друг друга, находили общие точки соприкосновения, которых оказалось немало.

Приятно отметить, что в Китае хорошо знают русских писателей, читают и переводят их произведения. Русская литература играет огромную роль в китайской литературной жизни.

Как продолжение форума, в Книжном доме «Чжуншугэ» (сеть китайских книжных магазинов, заслуживших множество международных дизайнерских наград) состоялась презентация двухтомной антологии Русской поэзии Серебряного века в переводе директора Института мировой литературы Чжэн Тию. Радостно было видеть, как китайские слушатели с придыханием слушали переводы русских поэтов. Они внимали каждому слову вступающих. Российские авторы приняли

участие в этом вечере, читая с большим удовольствием стихи авторов серебряного века: Анны Ахматовой, Марины Цветаевой, Александра Блока и других поэтов. Огромная работа, проделанная Чжэн Тию для популяризации русской поэзии в Китае, заставляет восхищаться этим человеком. А тому, сколько стихов он знает, читает наизусть, может позавидовать любой русский литератор.

Вечер завершила автограф-сессия, а председатель Союза писателей России Юрий Козлов подарил Чжэн Тию книгу не только с произведениями поэтов Серебряного века, но и с записями их голосов на специальном диске.

Положение молодежной литературы Китая и России и её дальнейшее развитие обсуждалось в Сынаньгунгуане, на встрече с читателями.

Ведущие вечера директор ИМЛИ Чжэн Тию, заместитель Директора Института филологии Ян Цинсян, доцент, кандидат

наук, заведующий кафедрой «Литература и методика преподавания литературы» Анна Тимакова, критик, поэт, секретарь Союза писателей России Роман Круглов отвечали на вопросы читателей, рассказывали о молодых писателях, посетивших Китай. А рассказать было о чём. И о замечательной прозе Юрия Лунина, Сергея Мурашева, Дмитрия Лагутина, о стихах для детей Ирины Иванниковой, очень жизненных, живых рассказах Алёны Белоусенко, стихах Екатерины Игнатовой, Дианы Даскалицы, стихах и прозе Элины Савченко, прозе, сценариях Евгения Декина. Все авторы издаются в толстых российских журналах и уже имеют свою читательскую аудиторию. Неподдельный интерес, с которым китайские читатели слушали россиян, ещё раз доказал популярность русского слова в Китае.

Красивым завершением Форума стал Вечер поэзии, который прошёл в шанхайском Доме Книги. Ведущие вечера

Дмитрий Евдокимов и поэт Юй Сяотин представляли поэтов России и Китая. Аудитория собралась большая. Люди стояли. Как говорят в России: «Яблоку негде было упасть». Интерес к поэзии в Шанхае огромен. Первый вице-председатель Союза писателей Шанхая Ван Вэй прочитал стихотворение Сергея Есенина «Где ты, где ты, отчий дом?». Писатель, поэт из Пекина Хоу Лэй прочёл стихотворение своего соотечественника, поэта, автора восьми романов, сборников эссе, Мяо Кэгоу. Выступила со своим стихотворением «Старик» Екатерина Игнатова. Свои стихи, а также переводы своих коллег вдохновенно прочитали поэты Ирина Иванникова и Ян Цинсян, Евгения Декина и Янь Бинь, Диана Даскалица и Цзян Цзай, Роман Круглов и Сяо Шуй. Не оставила никого равнодушным Чжан Циньжу со стихотворением «Багаж». В завершении вечера несколько песен на свои стихи исполнили Дмитрий Евдокимов и Юрий Лунин, чем окончательно покорили китайскую публику.

Это был настоящий вечер русско-китайской поэзии. Тёплый и душевный! Все

Роман Михаила Юрьевича Лермонтова «Герой нашего времени» открывается такими словами: «Во всякой книге предисловие есть первая и вместе с тем последняя вещь; оно или служит объяснением цели сочинения, или оправданием и ответом на критику». Автор понимал новаторский характер своего произведения и предвидел реакцию читающей публики, еще более провоцируя ее в предисловии, бросая вызов усреднённому мировосприятию. Прошло более ста лет со времени написания этого произведения, и отношения авторов и читателей приобрели более «свободный» характер: их мнимая автономия друг от друга выражается в отсутствии в подавляющем большинстве современных книг авторского предисловия (максимум – посвящение или эпиграф) и обилии ресурсов для читателей для рефлексии любого уровня о прочитанном. А вот критикам стало сложнее. То ли дело сто лет назад: предисловие – вот она, авторская интенция, бери ее и склоняй, куда душа велит! Нынешним авторам ни отвечать предисловием критике или читателю, ни, тем более, «оправдываться», нет заботы – *saripensatis*. В этой независимости, самодостаточности мы видим один из признаков современной молодой литературы. «Мы пишем о том, что видим, и так, как чувствуем», – общая формула авторов нашего времени. Вместе с тем, декларация творческой свободы не противоречит базовому принципу русской литературы – защите традиционных принципов морали, нравственности, добра, справедливости, гуманизма, чести, любви к своей земле.

Так, поэзия Дианы Даскалицы для читателя неискущенного – во многом эксперимент: здесь свободный стих, графическая выделенность слов (например, по букве в столбик), сочетание слов на разных языках, свободный синтаксис, тогда как опытный читатель увидит за стихами автора с отличной филологической подготовкой, воспитанного на лучших образцах отечественной и мировой литературы и способного своим голосом говорить о главном. Философская, пейзажная, любовная лирика Элины Савченко и Екатерины Игнатовой также является убедительной иллюстрацией продолжения реалистических традиций русского поэтического слова. В числе таких традиций использование

Анна ТИМАКОВА Не предисловие

мотивов и изобразительно-выразительных средств устного народного творчества, что отличает стихотворения Карины Сейдаметовой. Удивительно органично сочетается в ее мировосприятии прошлое, настоящее и будущее; в ней смешиваются не только «две крови» («То тюркская, то скифская царевна...»), но века цивилизационного развития, насыщая культурными кодами строки содержание ее стихов.

Современную русскую литературу в целом отличает опора на достижения мировой культуры. «Параход Современности» русских авторов первой четверти XX века успешно вмещает в себя общечеловеческое. Например, в стихах Романа Круглова на высоком уровне поэтического мастерства выражаются античные и архаичные мотивы и символы (Роман Круглов «Мы разошлись бесповоротно...», «Твои легкие сильные крылья трепещут в груди...»).

Рецепция отечественной классики выражается в современной прозе путем аллюзивности текстов. Авторы современного периода развития русской словесности, несмотря на встречающиеся эксперименты с формой произведений, наполняют их общечеловеческим, вечным, важным в любую эпоху содержанием, обращаясь для этого к классическим текстам. Убедимся в этом на примере рассказа Жени Декиной «Миль пардон, месье». Его название адресует нас к рассказу Василия Шукшина «Миль пардон, мадам», но если Шукшин рассказывает о судьбе-мечте, о вымышленной Бронькой Пупковым истории с собой в главной роли, то жизнь Катки, героини рассказа Декиной, до болезненного настоящая. Пупкову не хватает значимости себя в своих же глазах, и потому он так жаждет восхищения от чужих, а потом, словно похмельем, болеет, уязвленный комичностью и повторяемостью ситуации. А вот Катка вышла в люди, переросла своих одноклассников и дворовых приятелей, но тоже болеет – за них: «Что у нее случилась другая жизнь там, за горизонтом, а у них – нет». Чувство вины, стыда перед ними и острой боли за их нескладную жизнь поймет в Катке не всякий, но наверняка тот, кто не смеется над шукшинским Пупковым.

Рассказ Юрия Лунина «Три века русской поэзии» также построен на аллюзиях на поэтический сборник с таким же названием – «Три века русской поэзии». Эта книга изменила жизнь молодого человека: вместо того, чтобы готовиться к экзаменам, переживать о поступлении в институт или просто радоваться лету, он начинает видеть мир глазами поэтов, чьи стихи он читал и перечитывал на бальной ночной кровати. Автор потрясающе точен в определении важности произошедшего, поделившего жизнь героя на «до» и «после»: «Он читал их, забыв самого себя, читал так жадно, как если бы находился в пожизненном заключении и одними лишь этими стихами мог напомнить себе о том мучительно радостном и просторном мире, который потерял навсегда». Отныне мир слагается для него из поэтических строк – чужих, ставших своими, и своих, робещущих перед чужими, но ждущих часа.

Современных авторов отличает искренность, открытость в описании переживания чувства детства, родины (проза Сергея Мурашова и Дмитрия Лагутина), личных отношений («Нити» Алёны Белоусенко), и это впечатляет, поскольку затрагивает личное в каждом из нас. Одиночество молодой замужней женщины Насти, героини рассказа Алёны Белоусенко, или стремление героя рассказа Дмитрия Лагутина «Дядя Север» почувствовать себя не просто членом семьи, а ее частью понятно, а иногда и близко, потому резонирует, отзвываясь не забытым, но отодвинутым в суете будней. Причем отметим, что мир этих героев чаще всего пространственно определен (это современная автору Россия), а если говорить о прозе Сергея Мурашова, то и обусловлен указанным хронотопом. Тогда как в мировосприятии многих современных поэтов отсутствует жесткая пространственная локация: город / деревня; квартира / улица; малая родина / вся Россия; мир моей души / душа моего мира – хронотоп в стихотворениях, например, Павла Ширглозова или Григория Шувалова часто подвижен, подвержен динамике (см. стихотворения Ширглозова «Я в этот дом когда-нибудь вернусь...», «Из чрева пятиэтажки», «Город уткнулся мне в ноги ничейным щелчком...» или Шувалова «Морской бой», «Ладва», «Весточка»).

В завершение скажем еще об одном важном признаке литературы уходящей первой четверти XXI века – продолжении развития детской литературы. Детская литература является маркером «качества» развития словесности любого периода для каждой страны. Востребованность литературы для детей и о детях, обилие новых авторов и разнообразие жанров, тем служат лучшим показателем нравственного здоровья нации. Умение видеть мир глазами ребенка и говорить с ним просто о важном или о чем-то очень интересном отличает творчество Ирины Иванниковой.

Современная русская литература богата талантами и щедроты свой дар не только тому, кто готов осмысливать ее в системе исторического развития отечественной культуры, но и тому, кто с открытым сердцем и душой принимает новое и угадывает, чувствует в нем мотивы, символы, очертающий родного, главного.

Пенза

В повседневной жизни героем мы называем человека, спасшего чью-то жизнь, погибшего ради правды или идеи, а может, трудившегося не покладая рук на благо страны или на благо своей семьи. То есть человека, так или иначе пожертвовавшего своей жизнью ради чего-то большего.

С образом «героя» мы сталкиваемся и при обсуждении литературных произведений, в которых выделяем основное действующее лицо, меняющее по ходу повествования или свою внутреннюю, или внешнюю реальность. Но углубляясь в историю культуры, мы так или иначе приходим к исходному прототипу этого образа – мифологическому герою. Нам знакомы мифы героических подвигов из древнегреческой мифологии, такие как: двенадцать подвигов Геракла, Персей и Медеуза Горгона, Тесей в лабиринте Минотавра. Хотя в основе любой культуры лежит своя мифология с уникальными и в то же время архетипическими, то есть структурно похожими историями.

Почему тема героических подвигов и испытаний вечно и вездесуща? Мифологическая судьба героя служит моделью развития личности и человечества в целом. Героический путь можно представить как второе рождение или прохождении инициации возмужания. Дух вызывает к человеку, укрепляя веру в собственную неповторимость, и помогает вырваться за пределы своей среды. Этот архетип является основой нашей психики, поэтому он проигрывался и будет проигрываться в мифологических и литературных сюжетах и в повседневной жизни каждого из нас.

Джозеф Кэмпбелл в своей книге «Тысячелетний герой» разделяет полный цикл героического мифа на три этапа: уединение, испытания и возвращение к обычной жизни. Кратко на примерах из древнегреческой мифологии разберём эти этапы, а затем попробуем найти элементы героического цикла в современном литературном произведении – романе «Перемены» Мо Яня.

Первый этап – этап уединения начинается с зова странствий, когда герой откликается на зов и осмеливается пойти путешествовать. Для примера из мифологии мы можем вспомнить Тесея в момент принятия решения отправиться в Афины, чтобы сразиться с Минотавром. Или же герой может испугаться и не принять зов – так, Дарна убегает от Аполлона, и бог превращает её в лавр. В этом случае зов воплощается в Аполлоне, который преследует героиню. На этом же первом этапе герой может встретить покровителя. Вспомним, что покровителем Тесея была Ариадна, подарившая нить для выхода из лабиринта Минотавра. Благодаря помощнику или без его участия герой преодолевает первый порог. Наглядным примером для этого выступает миф об Аргонавах, где главный герой Ясон, рискуя жизнью, пробирается через сталкивающиеся скалы Симвлгеады. Или же более знакомый для нас Одиссей проплывает мимо опасных утёсов Сциллы и Харибды. Закан-

Мифологический путь героя в современной литературе

Алёна БЕЛОУСЕНКО

чивается этап уединения попаданием в чрево чудовища. Геракл в одном из своих подвигов для спасения девушки бросается в пасть чудовища и, изнутри вспоров ему брюхо, выбирается живым.

Переходим к следующему, второму этапу путешествия. Он называется испытанием или же инициация. Хотя и предыдущий этап уединения сложно назвать мирным и беззаботным, все же он был только подготовкой для того, чтобы герой активно начал решать положенные ему задачи. Этап испытаний включает непосредственно сами испытания. В мифе о Психее героиня выполняет несколько поручений Афродиты: перебирает крупы, добывает золотую шерсть диких овец, приносит воду из ключа, охраняемого драконом, и получает шаткулю из царства Аида. После успешного выполнения заданной герой встречается с богиней, а если это героиня, то она встречается с богом. Так, наша Психея после поручения Афродиты встречается с богом Эросом и возносится с ним на Олимп. Если же герой терпит крах, то богиня его убивает, как, например, Артемида уничтожает Актеона, превратив его в оленя и натравив на него псов. Также инициация в полном цикле подразумевает примирение с отцом. Иллюстрацией для этого может служить желание Фазтона управлять солнечной колесницей, чтобы доказать всем, что он сын бога Гелиоса. Но в данном случае примирение не было возможно, так как герой оказался недостойным своего отца – не сумев сдержать лошадей, он погибает. Заканчивается второй этап апофеозом и наградами в конце пути. Так, уже упоминаемый нами Ясон из мифа об Аргонавах крадет Золотое руно в Колхиде и отплывает с ним обратно в Грецию.

Третий и последний этап героического путешествия под названием «возвращение к обычной жизни» может проходить через трудности, например, когда боги за обмен приковывают Прометея к скале. Герой может вообще не выйти живым из путешествия, так как не был внутренне готов к нему. Так, Фазтон падает с колесницы, а на Актеона нападают собственные псы. То есть конец приключений совсем не обязательно должен быть счастливым.

Позтому, например, сам миф может оборваться на втором этапе испытаний. Но даже при удачном развитии событий не все истории включают в себя полный цикл приключений героя, и какой-то этап в каждом отдельном мифе может быть выражен не полностью или совсем отсутствовать. Также и в любом литературном произведении мы можем найти только элементы этого пути, а полное описание скорее исключение, чем правило.

Вкратце пройдясь по мифологическим основам приключений героя, перейдём к разбору элементов героического пути в романе Мо Яня «Перемены».

В книге мы встречаем двух главных героев, жизненные пути которых пересекаются на протяжении всей истории: рассказчика (прообразом которого был сам автор) и его одноклассника по имени Хэ Чжиу.

Рассказчик описывает свою жизнь со школьной скамьи и по сей день – в период с 1969 по 2010 год приблизительно. Читатель первым делом видит неблагоприятную обстановку в школе: малообразованные учителя позволяют себе хватать детей за волосы и пинать. Учитель Лю обвиняет рассказчика в распространении оскорбительного прозвища «жаба» в его адрес, и за это ребёнка исключают из школы, не разрешая появляться на её территории. Рассказчик говорит:

«Зачастую, когда я пытался подлизаться к кому-то из учителей, они ошибочно полагали, что я хочу навлеечь на них неприятности... И правда, обо мне никто не мог подумать ничего хорошего, но если речь шла о дурных поступках, то их непременно приписывали именно мне. Многие считали, что я малолетний бандит. Идеология у меня хромает, и вообще, я ненавижу школу и учителей. Но это неправда на сто процентов. На самом деле я искренне любил школу, а в большем отношении я любил учителя Лю. Учитель Лю обвиняет рассказчика в распространении оскорбительного прозвища «жаба» в его адрес, и за это ребёнка исключают из школы, не разрешая появляться на её территории. Рассказчик говорит:

«Зачастую, когда я пытался подлизаться к кому-то из учителей, они ошибочно полагали, что я хочу навлеечь на них неприятности... И правда, обо мне никто не мог подумать ничего хорошего, но если речь шла о дурных поступках, то их непременно приписывали именно мне. Многие считали, что я малолетний бандит. Идеология у меня хромает, и вообще, я ненавижу школу и учителей. Но это неправда на сто процентов. На самом деле я искренне любил школу, а в большем отношении я любил учителя Лю. Учитель Лю обвиняет рассказчика в распространении оскорбительного прозвища «жаба» в его адрес, и за это ребёнка исключают из школы, не разрешая появляться на её территории. Рассказчик говорит:

«Зачастую, когда я пытался подлизаться к кому-то из учителей, они ошибочно полагали, что я хочу навлеечь на них неприятности... И правда, обо мне никто не мог подумать ничего хорошего, но если речь шла о дурных поступках, то их непременно приписывали именно мне. Многие считали, что я малолетний бандит. Идеология у меня хромает, и вообще, я ненавижу школу и учителей. Но это неправда на сто процентов. На самом деле я искренне любил школу, а в большем отношении я любил учителя Лю. Учитель Лю обвиняет рассказчика в распространении оскорбительного прозвища «жаба» в его адрес, и за это ребёнка исключают из школы, не разрешая появляться на её территории. Рассказчик говорит:

«Зачастую, когда я пытался подлизаться к кому-то из учителей, они ошибочно полагали, что я хочу навлеечь на них неприятности... И правда, обо мне никто не мог подумать ничего хорошего, но если речь шла о дурных поступках, то их непременно приписывали именно мне. Многие считали, что я малолетний бандит. Идеология у меня хромает, и вообще, я ненавижу школу и учителей. Но это неправда на сто процентов. На самом деле я искренне любил школу, а в большем отношении я любил учителя Лю. Учитель Лю обвиняет рассказчика в распространении оскорбительного прозвища «жаба» в его адрес, и за это ребёнка исключают из школы, не разрешая появляться на её территории. Рассказчик говорит:

есть зов странствий воплощается не только в конкретном человеке, вдохновляющем на приключение, но и в ошибке, промахе самого героя. В мифе о Психее и Эросе испытания героини тоже начинаются с промаха, когда она приходит ночью в спальню своего возлюбленного бога Эроса, чтобы разглядеть его лицо (а смотреть на него было ей строго запрещено), но её руки дрогнули, и несколько капель горячего масла упали с лампы на его кожу, тем самым разбудив его. После чего бог улетел, и для его возвращения Психее пришлось выполнять поручения Афродиты.

Рассказчик не расценивает героические качества Хэ Джиу как сугубо положительные, он рассуждает: «Истязать себя физически, чтобы кого-то наказать, – это не героизм, а хулиганство. Но тот, кто способен на такой поступок, не просто мелкий хулиган. Во всяком серьёзном хулиганстве есть что-то от героизма, как и в подвиге – что-то от хулиганства». С архетипической точки зрения рассказчик прав, ведь если герой как архетип общественного развития пробуждает спящие образы будущего, он неизбежно становится разрушителем старого закона и прежних культурных ценностей своих отцов. Вступая с ними в конфликт, он становится в их глазах хулиганом или преступником. Отцами могут быть не только реальные отцы, но и учителя, школа и любые авторы, культурные ценности исторических источников. Более того, претягивая, воздвигаемые на его пути старую культурную, политическую или религиозную систему, становятся внутренними побудительными мотивами героизма. Как двенадцать заданий царя Эрисфея превратились в двенадцать подвигов Геракла, подаривших ему славу. Столкновения героя с косяными, утрачившими жизнь системами ведут или к установлению новых жизнеутверждающих порядков или к гибели героя.

После случившегося в классе рассказчик не видел Хэ Джиу в течение четырёх лет, пока тот сам не пришёл к нему. Хэ Джиу попросил у него в долг десять юаней, чтобы перебраться на северо-восток, найти другой заработок и выбраться из нищеты. «Дерево на новом месте умирает, а человек оживает», – сказал Хэ Джиу, уже готовящийся ступить на следующий этап героического пути – этап испытаний. Пока Хэ Джиу, с десятью юанями в кармане, уже вдали от дома пробивается в люди и зарабатывает деньги, рассказчик, вдохновленный его героизмом, чувствует внутри «зов» – ему тоже хочется забыть о бедности и выбиться в люди. Один герой воодушевил другого. Рассказчик чувствовал свой спящий талант и сравнивал себя со скаковой лошадей, запёртой в коровнике. И на примере Хэ Джиу понял, что пора менять свою жизнь тоже. Но путь героя-рассказчика был долгим и тернистым, проходящим через ряд неудач: поступить на военную службу удалось только через три года, обещанную должность водителя в части перехватывала другая кандидатура, квоту на зачисление в институт аннулировали, даже погибнуть на войне героем не удалось – война быстро закончилась. Но все сильнее росло его желание заниматься литературой. Можно сказать, что путь героя-рассказчика (прообразом которого, как мы говорили, стал сам автор романа Мо Яня) был именно в становлении его как писателя. Но как можно описать такой путь через факты внешней жизни?

Роман КРУГЛОВ

Современная русская философская лирика

ществования поэзии – попытка приспособиться к отсутствию адекватной нуждам литературы государственной поддержки. Однако сетевая и фестивальная активность, безусловно, служат показателем интереса общества к поэзии. Литературный процесс выглядит особенно бурным ввиду огромного количества непрофессиональных авторов, однако параллельно с литературным мейнстримом в наши дни творят яркими прекрасных художников слова, популярность которых ограничивается узким кругом поклонников поэзии. Несмотря на дегенеративные тенденции современной культуры, русская поэзия сохранилась как элитарное искусство, она продолжает классическую традицию – в том числе, в отношении духовных исканий.

Лирика, будучи по своей природе искусством камерным, показывает «взгляд изнутри». Возникая во внутренней речи лирического субъекта, религиозные смыслы непосредственно показывают духовные переживания человека. Однако индивидуальность такого взгляда обретает эстетическую ценность постольку, поскольку становится для читателя достоверным художественным открытием, близким ему. Кроме того, суще-

В этом докладе обобщены выводы, к которым я пришел в ходе работы над одноимённой статьёй, она опубликована в сборнике «Судьбы русской духовной традиции в отечественной литературе и искусстве XX – начала XXI века» под редакцией профессора А.П. Казина (2018), с полным материалом вы можете ознакомиться на сайте «Русская народная линия».

Начало XXI века ознаменовалось всплеском интереса к поэзии. Он стал заметным, прежде всего, благодаря сетевому распространению текстов – на пороге третьего тысячелетия литературная мода обрела новые формы. Однако информационные технологии и отсутствие обязательной редакторской правки сами по себе не могли спровоцировать новый «поэтический бум» – безусловно, у него есть и ментальные причины. В последние годы на тематических сетевых ресурсах и в СМИ критики различных направлений не раз высказывали мысли о том, что «ненормальность» современной действительности порождает у человека потребность гармонизировать её – в частности, с помощью ритмизации речи. Поэтический язык позволяет человеку структурировать мысли, чувства и впечатления, а значит, гармонизировать их, преодолеть хаотичность, которая в информационном обществе перешла в новое качественное состояние. Потребность в преодолении ущербности мира предполагает наличие у человека внутреннего идеала и имеет духовную подоплеку. Зачастую, отраженные в поэзии рубежа XX–XXI веков религиозные поиски также связаны с неудовлетворенностью окружающей действительностью и стремлением ее гармонизировать.

В 2000-х годах в России и за ее пределами начали проводиться поэтические слэмы, конкурсы, фестивали и премии; художественный уровень этих мероприятий очень разный. Возникла популярная поэзия – широко тиражируемое творчество нескольких представителей московского литературного бомонда. Безусловно, такие формаль-

